

Вопросы филологии

научный журнал

№ 3 (36) 2010

Основан в 1999 г.
Выходит три раза в год

Учредитель
Институт иностранных языков

Издается совместно с Институтом языкознания
Российской академии наук
и
Российской академией лингвистических наук

Главные редакторы

Э.Ф. Володарская
Институт иностранных языков
Российская академия лингвистических наук

В.А. Виноградов
Институт языкознания РАН
Российская академия лингвистических наук

Заместитель главного редактора
В.Ю. Михальченко

Ответственные секретари

И.Г. Сорокина

Т.Б. Крючкова

Редакционная коллегия
Вяч.Вс. Иванов, А.Б. Куделин, Ю.С. Степанов, Е.П. Чельшев, В.М. Алпатов, Ю.Л. Воротников,
Т.В. Балашова, В.З. Демьянков, М.И. Исаев, Е.С. Кубрякова, М.В. Орешкина,
М.Л. Ремнева, Н.Н. Семенюк, И.П. Тарасова, М.Я. Цвиллинг, И.И. Чельшева, Дж. Робертс (Великобритания)

Москва

© Институт иностранных языков, 2010
© Институт языкознания Российской академии наук, 2010
© Российская академия лингвистических наук, 2010

следование текста. М., 1997.

14. Шеломенцева З.С. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971.

15. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

THE CONCEPT AND THE BORROWING. BRIEF NOTES ON THEIR CORRELATION

M.V. Oreshkina

Summary

The paper considers the interconnection between two notions: a borrowed word – a cultural concept (based on the material of Turkic lexical borrowings) and the conceptualization mechanism of borrowings in the Russian language.

Ключевые слова: языковая картина мира, культурные концепты, взаимодействие языков, национальный колорит, иноязычные заимствования.

Key words: the Russian linguistic picture of the world, cultural concepts, languages interaction, national colour, foreign borrowings.

© 2010

С.Г. Проскурин

Эволюция права в свете семиотики*

По своей природе право – семиотическая система. Ему присущи все черты эволюции знаков. Большинство знаковых символов переживают трансформации от сильного символа к ослабленному, и затем – совсем слабому. Это своего рода семиотическая закономерность. Об этой культурно-семиотической тенденции пишет в словаре «Константы: Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов: часто в культуре «материальное, физическое воздействие на агенса социального акта сменяется воздействием семиотически ослабленным, замещением» [9, 432]. Предметом исследования в настоящей статье будут эволюционные ступени развития концепта суда в истории римского права, а также в других индоевропейских правовых системах.

В связи с этим представляется важным, прежде всего, обратиться к панхроническим семиотическим (знаковым) основаниям права. Право, по

своей природе, – слоевое образование, и оно исторически складывается из естественного права, позитивного права, а также сакрального, или божественного, права. Все эти слои в разной степени задействованы в создании норм права, в том числе норм права народов, и тем самым, вероятно, являются его глубинную знаковую природу. С точки зрения специалистов по семиотике права, коррелятами видов права на семиотическом уровне являются знаки: естественные, конвенциональные и сакральные. Так, естественной знаковостью обладают для нас приливы и отливы, извержения вулканов и другие природные феномены. Конвенциональные знаки – рукопожатие или V-образный жест «победы» или «мира», а также просто любое слово. Среди сакральных знаков в христианских культурах – крест, в мусульманской культуре – полумесяц и т.д.

Право исторически рассматривалось как многоступенчатое образование. Естественное право справедливо трактовать в системе Г. Гроция как базовое, тождественное самому себе. «Может быть, в далеком прошлом, – размышляет по этому поводу Д. Ллойд, – Бог и создал Землю и все сущее на ней, и естественное право есть Богом данное, но даже это не было столь важным для Гуго Гроция, одного из наиболее последовательных сторонников естественного права и основателя международного

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт № 02.740.11.0370).

ПРОСКУРИН Сергей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета.

права на естественно-правовых началах» [4, 93].

Над естественным правом, по-видимому, надстраиваются конвенциональное, «позитивное» и божественное (сакральное) право. В «Прологемах к трем книгам о праве войны и мира» Г. Гроций пишет: «А вот, кроме первого, естественного, и другой источник права, а именно – проистекающий из свободной воли бога, повиноваться которой беспрекословно повелевает нам самый наш разум. Но и самое естественное право, о котором мы упоминали, или та самая общительность, равно как и так называемое право в более широком смысле, хотя и проистекают из внутренних присущих человеку начал, тем не менее, могут быть с полным основанием приписаны самому богу, потому что ему было угодно, чтобы такие начала были нам присущи: в этом смысле Хризипп и стоики полагали, что источники права не следует искать нигде, кроме самого Юпитера, и что по имени последнего, по всей вероятности, у латинян дано название самому праву» [3, 47].

Гроций, вероятно, имеет в виду ложную этимологию имени *Юпитер* как *ius pater* ‘отец права’, а не принятую сегодня в науке *Deus pater* ‘бог отец’ или ‘*pater familias*’. Однако древние были недалеки от истины. Современные исследования в области этимологии показывают, что латинское *ius* ‘право’, как и латинское *mos* ‘обычай, нрав’ и латинское *fas* ‘божественное право’ образованы по одной модели древних несклоняемых существительных среднего рода [1, 321]. Таким образом, естественное, конвенциональное и божественное право оказываются связанными на языковом уровне. Таковы историко-лингвистические предпосылки уровней в праве (см. [6, 35–42]).

Итак, силовой аспект воздействия, который замещается и подлечит различным ограничениям в историческое время, является базовым в аспекте всей эволюции права. Боги, вынужденные прибегать к применению силы для утверждения своей власти, – явление, которое достаточно часто встречается на ранних стадиях развития религиозных учений. Разящие удары громовержца Зевса, как помнят читатели Гомера, не щадят ни подобных ему небожителей-олимпийцев, ни простых смертных, которые осмелились нарушить его запреты или как-то иначе прогневали его. Подчеркнуто явление власти и силы, и сам процесс суда, совершаемый на небесах, ассоциируется с концептом судьбы, веления. Возьмем, к примеру, сцену керостасии – взвешивания кер троянца Гектора и ахейца Ахиллеса – речь идет об определении судеб воинов и исхода самого сражения в гомеровском эпосе.

Образ чашечных весов сам по себе выражает принцип равновесия. Взвешивание Зевсом кер воинов приурочено к особому моменту в состоянии

всего космоса, а именно к моменту равновесия, когда солнце находится посреди неба. Нарушение космического равновесия влечет при керостасии гибель более тяжелого, притягиваемого к земле. Таким образом, суд в понимании древних вершится через силовое действие – взвешивание.

В древнейшем юридическом памятнике Древнего Рима – «Законах XII таблиц» присутствует формула *ius ducere*, которую обычно переводят ‘вести на судоговорение’. Как пишет Э. Бенвенист, от значения «вести» глагол *ducere* эволюционировал в сторону более абстрактного, более общего понятия «судить» [1, 114]. Идея перехода значения «вести» в «судить» – запутанная идея. Так, русское слово «тяжба» также связано изначально с синонимичным глаголом «тянуть» (ср. рус. «тяжущийся»).

С латинской формой связан готский глагол *tiuhan* (нем. *ziehen*) ‘тянуть’. Готский глагол широко употребителен, причем с многочисленными приставками, которые дифференцируют способы действия: «тянуть», «увлекать за собой», «приводить».

«Уже на основе сопоставления готской и латинской форм мы можем определить исходное значение глагола *duco* как ‘тянуть’» [1, 114–115]. Далее, к этому же корню относится древнеанглийское *þing*, имеющее значения ‘судебное дело’, ‘спор’. С чем же связано такое сцепление смыслов? Как объяснить переход термина, обозначающего силовое действие, к юридическому термину «суд»? В основе эволюции правовых институтов лежит тенденция замещения сильного семиотического действия (побой, саморасправа) ослабленным семиотическим действием (наказание), а также слабым знаком (закон).

В таблице III «Законов XII таблиц» говорится: *post deinde manus iniectio esto / in ius ducito* ‘По истечении (указанного срока) пусть (истец) наложит руку (на должника). Пусть ведет его на судоговорение (для исполнения решения)’. Формула *ius ducere* сохранила следы первоначальной эпохи саморасправы, отсюда смысл – вести силой (тащить). По мнению И.Б. Новицкого, «переход от частной саморасправы к государственному суду происходил постепенно. Посредствующими этапами явились: система регламентации частной расправы путем установления определенного порядка применения насилия к обидчику; далее система выкупов (добровольных, а затем обязательных); наконец, передача дела защиты прав органам государства» [5, 40].

Рассмотрим эволюцию правовых институтов на материале классической римской формулы *ius ducere* (а также ее коррелятов), которая позволяет проиллюстрировать последовательность развития правовых институтов в виде эволюции концептов.

Уровень знаковости	Тождество. Акт	Подобие. Жест вместо акта	Условность
1. Биологически полная релевантность (этнология, биосемиотика)	Лат. <i>ducere</i> – 'тянуть', 'тащить силой' Гот. <i>tiuhan</i> – 'тянуть' Рус. <i>тянуть</i>	—	—
2. Биологически частичная релевантность (этнология, этносемиотика)	—	<i>ius ducere</i> 'вести на судоговорение', 'привлечь к суду'	—
3. Биологическая нерелевантность (лингво-семиотика)	—	—	Лат. <i>ducere</i> – 'судить' Др.-англ. <i>þing</i> – 'судебное дело', 'спор' Рус. <i>тяжба</i> и термин <i>тяжущийся</i>

Наблюдение над изменением значений в индоевропейских языках позволяет увидеть закономерности преобразования значения «вести», «тянуть» в значение «судить». От полного тождества действия и информационной модели правовые институты, по-видимому, эволюционировали в сторону подобия, когда вместо тождества знака и действия выбирается некий ритуальный процесс, имитирующий преодоленную ценность – действие силой. В результате наступает этап семиотически ослабленного действия. На третьей ступеньке эволюции концепта появляется аспект суда, тяжбы. Все его элементарные предпосылки основываются на эволюции концептов *тянуть* – *вести* – *судить*. Такое понимание развития права отвечает общей тенденции семиотического развития – стремлению к семиотически ослабленному действию. Обратимся к римским «Законам XII таблиц», которые сохраняют «следы» саморасправы.

Tabula III

aeris confessi rebusque iure iudicatis XXX dies iusti sunt
post deinde manus iniecio esto. in ius ducito
ni iudicatum facit aut quis endo eo in iure vindicit, secum
ducito, vincito aut nervo aut compedibus XV pondo, ne maiore aut
si volet minore vincito

si volet suo vivito, ni suo vivit, qui eum vinctum habebit,
libras faris endo dies dato. si volet, plus dato.

erat autem ius interea paciscendi ac, si pacti forent, habebantur
in vinculis dies sexaginta.

inter eos dies trinis nundinis continuis ad praetorem in
comitium producebantur, quantaeque pecuniae iudicati essent,

praedicabatur. tertiis autem nundinis capite poenas dabant, aut trans
Tiberim peregre venum ibant. <...>

adversus hostem aeterna auctoritas <esto>.

‘Пусть будут (даны должнику) 30 льготных дней после признания (им) долга или после постановления (против него) судебного решения. (По истечении указанного срока) пусть (истец) наложит руку (на должника). Пусть ведет его на судоговорение (для исполнения решения). Если (должник) не выполнил (добровольно) судебного решения, и никто не освободил его от ответственности при судоговорении, пусть (истец) ведет его к себе и наложит на него колодки или оковы. (Во время пребывания в заточении должник), если хочет, пусть кормится за свой счет. Если он не находится на своем содержании, то пусть (тот, кто держит его в заточении) выдает ему по фунту муки в день, а при желании может давать и больше. <...> (Пока должник находился в заточении), он имел право помириться (с истцом); но если (стороны) не мирились, то (такие должники) оставались в заточении 60 дней. В течение этого срока их три раза приводили к претору на комициум и (при этом) объявлялась присужденная с них сумма денег. В третий базарный день они предавались смертной казни или поступали в продажу за Тибр. <...> Пусть сохраняет (свою) силу навеки иск изменника’.

Аналогичные процессы фиксируются в историко-генетической традиции юридической терминологии других правовых систем. Так, уже об ослаблении семантики древнегерманского глагола «тянуть» свидетельствует эпизод из эпоса англосаксов «Беовульф», в котором нападение чудовища Гренделя на дворец Хеорот квалифицируется как *þing* – ‘(судебное) дело’.

Наряду с этим, ср. строку 409 эпоса: *me wearth*

Grendles þing
Гренделем
ром самор
как явлени
дает чудов
сие, и сове

«Для
нов, — осс
эволюция.
осуществл
Сначала о
ляется ст
пострадав
жит разли
приобрета
лежит кон
мечь сме

С то
общим се
физическ
(в данном
действием
С таким ж
во многи
жертвопр

В на
ституты
говорили
но, уже в
классиче
ступлени

Общ
древних
ше репре
поведени

П. С
историче
Э. Дюрк
тивного
титутивн
поглоща
перь сво
тройстве
как отде
циальны
«В Риме
ство за ф
классич
штрафо
раденно

То
Вначале
фами фи
и смерт
ная гра
наказан

ОВНОСТЬ

—

—

е – 'судить'
 ing – 'судебное'
 р'
 а и термин
 ся

nas dabant, aut trans

>.

готных дней после
 ения (против него)
 го срока) пусть (ис-
 ет его на судегово-
 жник) не выполнил
 не освободил его от
 (истец) ведет его к
 Во время пребыва-
 ь кормится за свой
 ании, то пусть (тот,
 фунту муки в день,
 ...> (Пока должник
 иряться (с истцом);
 должники) остава-
 срока их три раза
 этом) объявлялась
 базарный день они
 в продажу за Тибр.
 ск изменника'.

ируются в ис-
 идической тер-
 ем. Так, уже об
 анского глагола
 из эпоса англо-
 ение чудовища
 фицируется как

эпоса: *me wearth*

Grendles þing. Напомним, что разбирательство с Гренделем героя Беовульфа является ярким примером саморасправы и не претендует на осмысление как явление цивилизованно правовое. Герой побеждает чудовище, устанавливая нарушенное равновесие, и совершает кровную месть.

«Для истории культуры, – пишет Ю.С. Степанов, – особенно интересно понятие "месть" и его эволюция. Месть – первичная форма наказания, осуществляемая потерпевшим и его близкими. Сначала она крайне неравномерна, так как определяется степенью разгневанного чувства и силами пострадавших. В историческое время она подлжит различным ограничениям, благодаря которым приобретает публичный характер, потому что подлжит контролю общественной власти. Постепенно месть сменяется системой выкупов» [9, 432].

С точки зрения семиотики, мы имеем дело с общим семиотическим процессом: материальное, физическое воздействие на агенса социального акта (в данном случае – на объект мести) сменяется воздействием ослабленным, замещением (выкупом). С таким же процессом мы сталкиваемся в культуре во многих других случаях, например, в ритуалах и жертвоприношениях.

В науке первыми об эволюции правовых институтов от силового к ослабленному действию говорили и Э. Дюркгейм, и Самнер Мен, и, конечно, уже в XX в. молодой Питирим Сорокин в своем классическом исследовании по социологии «Преступления и кара, подвиг и награда» [7].

Общее определение правового пространства древних веков определяется формулой «тем больше репрессивных норм, чем регулировавшееся ими поведение и организация общества примитивнее».

П. Сорокин ясно и неопровержимо доказывает историческую «тенденцию падения кар». Цитируя Э. Дюркгейма, П. Сорокин пишет о росте реститутивного права за счет права репрессивного. «Реститутивное право выделялось из репрессивного, поглощавшего его первоначально; оно имеет теперь свои собственные черты, свое собственное устройство, свою индивидуальность. Оно существует как отдельный юридический вид, снабженный специальными органами, специальной процедурой»... «В Риме законы XII таблиц допускали еще убийство за *fortum manifestum*, но в позднейшей системе классического права убийство заменяется всецело штрафом – *roepa quadruple* – плюс возвращение украденной вещи» [7, 403].

То же проявляется и в истории русского права. Вначале была частная месть. Затем наряду со штрафами фигурируют отдачи на «поток и разграбление» и смертная казнь (Русская Правда и Псковская судная грамота), по Судебникам первая кража влечет наказание кнутом, вторая – смерть, по Уложению

– первая кража влечет за собою кнут, тюремное заключение на два года и отрезание левого уха, третья – смерть (при разбое за второй разбой – смерть), по воинскому уставу – смерть наступала только в случае четвертой кражи не свыше 20 рублей и т.д.

«Не приводя дальнейших доказательств, – пишет Питирим Сорокин, – мы думаем, что вышеизложенное дает нам право утверждать, что и в истории наказаний за воровство можно проследить ту же тенденцию падения кар» [7, 403; 410].

Теоретические взгляды П. Сорокина на эволюцию правовых институтов во многом опираются на прослеживаемую нами тенденцию семиотической интенсивности действия в праве.

Так, тот факт, что промежуточную ступень между насильственным действием (актом) и судом занимал выкуп, подтверждает древнегерманский концепт *wergeld* со значением 'цена человеческой жизни' (от *werg* – 'человек') (жест вместо акта). В «Германии» Тацит пишет: «Они обязаны разделять вражду как отца, так и своих родственников, а также их дружбу, но вражда не продолжается бесконечно. Даже убийство человека может быть возмещено поголовьем скота, являющимся выгодным для хозяйства» [10, гл. 21]. Сам факт агрессивного акта не снимается, а постепенно замещается жестом.

Например, «Правда Етельберта», введенная в 600 г. и представлявшая собой первую англосаксонскую компиляцию законов, примечательна удивительно подробной тарификацией возмещения ущерба: конкретные суммы устанавливались за потерю ноги; за потерю глаза; если пострадавший – раб; если пострадавший – человек свободный; если пострадавший – священного сана и т.п.; передние зубы оценивались в шесть шиллингов, следующие за ними зубы – в четыре, остальные стоили по одному шиллингу за каждый; большие пальцы, ногти больших пальцев, указательные, средние, безымянные, мизинцы и ногти на них определялись каждый по-своему, и для каждого устанавливалась своя цена *bot*. Подобным же образом различались уши, утратившие слух, уши отрезанные, уши проколотые, уши рваные; кости оголенные, кости сломанные, кости раздробленные; проломленный череп, вывихнутые плечи, сломанные челюсти, свернутые шеи, сломанные руки, бедра и ребра. Точно такой же преysкурant существовал для синяков, прикрытых одеждой, и синяков не потемневших.

Определенным ограничителем мести на первых порах выступал закон талиона, устанавливавший равенство между преступлением и наказанием. На более ранних этапах развития убийство, например, следовало в качестве отпущения не только за убийство, «но и за любое нарушение должного шаблона» [7, 379]. Библийский Исав хотел убить Иакова за то, что последний обманом получил пра-

во первородства; по «Русской правде», можно было мстить убийством не только за убийство, но и за кражу и нанесение ран. Теперь же, с установлением талиона предписывается строгое равенство кар с преступлением. «Душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. Какой кто делает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему», – говорит Второзаконие (Втор 19:21). «И история самого талиона показывает наглядно то же дальнейшее ограничение кар... Вначале талион есть долг, неисполнение которого влечет за собой кару того, кто не исполнил долг мести. Он сам становится предметом позора и порицания окружающих. Иначе говоря, вначале талион есть долг, и осуществление его приказывается. Но потом постепенно необходимость мстить уменьшается, и "талион-долг" превращается в "талион факультативный", т.е. не предписываемый, а только допускаемый. А эта с виду очень незначительная перемена есть в действительности новый удар, существенно ограничивший силу и интенсивность кар; но раз талион становится не обязательным, а только дозволяемым, то тем самым дается возможность путем принесения просьбы о прощении и пощаде избежать самой мести. И действительно, одновременно с падением обязательности мести появляется обычай просьбы о пощаде, сопровождаемый действительно обычаем прощения и отказа от мести» [7, 379].

Наконец, заключительным звеном всей этой догосударственной стадии развития, по сценарию П. Сорокина, является система композиций, т.е. денежного выкупа. Потерпевший получал что-либо ценное вместо бесполезной мести. Итак, средневековая система выкупов подтверждает историческую тенденцию падения кар (в терминах П. Сорокина).

П. Сорокин прослеживает следующее семиотическое ослабление: «От неограниченной мести – к талиону, от обязательного талиона – к факультативному, от обязательной мести – к допускаемой, от разрешаемой мести – к системе композиций и прощения. Таков путь постепенного ограничения кар и их постепенного падения» [7, 380–381].

Знаковая природа этой тенденции свидетельствует о появлении феномена суда, где-то на этапе перехода от обязательного талиона к факультативному. Необходимость перехода к условности знака в праве, т.е. к концепту суда, на первых порах застает человечество на этапе совмещения силового действия и жеста вместо акта (как возможность альтернативы).

«Система композиций, – пишет П. Сорокин, – выражаясь образно, была водой, которая заливала готовый возникнуть огонь борьбы и мести. Вначале будучи необязательной (обиженный мог выбрать или месть или взять выкуп), она постепенно все шире и шире входила в жизнь и постепенно вытес-

нила почти все (за исключением немногих) акты мести или акты кар. Сначала это делалось путем соглашения самих сторон, потом стало передаваться на усмотрение третьей стороны... а параллельно с этим совершалось все большее и большее вытеснение выкупом мести» [Там же].

Специалист по средневековому праву Г.Дж. Берман пишет: «Когда короли и церковные иерархи все же распространяли свою власть на закон, то делали это лишь затем, чтобы направлять обычай и правовое сознание народа, но не переиначивать сам закон. Родственные, феодальные, общинные узы территориальных сообществ и были законом. И если эти узы нарушались, то вступали в силу, как я уже отмечал, законы кровной мести, но месть должна была стать – и нередко становилась – отправной точкой переговоров о материальном удовлетворении. Эта строгая система строго определенных денежных пеней за разные виды преступлений – характерная черта англосаксонского, франкского и других правовых укладов германской Европы, как и многих примитивных правовых систем современности» [2, 62].

Судебное решение выносилось либо в результате испытания огнем и водой, либо путем принесения ритуальной клятвы, либо на собрании старейшин. Здесь мы хотим обратить внимание на ступенчатое построение судебного решения. Условность третьего уровня знаковости опиралась на второй уровень – жест вместо акта. Поскольку семиотический процесс протекал эволюционно, то суд, судебное решение еще не сформировались как самостоятельное явление и зависели от предыдущих ступеней эволюции концептов – от жеста вместо акта, от самого действия (акта). Происхождение ордалий, т.е. «испытания огнем и водой» (лат. *ordalium*) берет начало от англосаксонского правового термина *ordal* 'приговор суда'. Приговор выносился в судебном процессе на основании выяснения правоты или виновности тяжущихся сторон необычным способом. Так, Салическая правда (Lex Salica – памятник обычного права салических франков) устанавливала «испытание котелком»: руку обвиняемого опускали в котелок с кипящей водой и затем завязывали, приложив к повязке печать. Если в течение трех дней рука заживала, то обвиняемый считался невиновным [11, 591].

Для семиотики права значительный интерес представляет генезис терминологического аппарата правовых систем (см. [12]). Этим исследованием мы попытались приоткрыть направление развития права в аспекте семиотики правовых концептов. Физическое воздействие в эволюции права ослабевает, однако интеллектуальное, духовное возрастает. Полученные данные свидетельствуют о тенденции тяготения терминов права к слабому знаку.

Литература

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
2. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.
4. Ллойд Д. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость. М., 2006.
5. Новицкий И.Б. Римское право. М., 2005.
6. Проскурин С.Г. Уровни знаковости в международном праве (к новым оценкам в семиотике международного права) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2007. Т. 3. Вып. 2.
7. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2004.
8. Степанов Ю.С. Протей. Очерки хаотической эволюции. М., 2004.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
10. Тацит К. Сочинения: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
11. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2006.
12. Contemporary issues of the semiotics of law. Oxford; Portland, Oregon, 2005.

THE EVOLUTION OF LAW IN THE LIGHT OF SEMIOTICS

S.G. Proskurin

Summary

The article deals with diachronic semiotic aspects of evolution of law. The aspects of evolution are presented in the genetic embryos of the court, punishment etc. The Indo-European layers of law are homogeneous in the genesis of the basic concepts.

Ключевые слова: слабый знак, сильный знак, эволюция права в семиотическом аспекте.

Key words: weak sign, strong sign, evolution of law in the light of semiotics.

© 2010

В.В. Фещенко

К истокам русской концептологии: от Ю.С. Степанова к С.А. Аскольдову*

Юбилею концептмейстера Ю.С. Степанова посвящается

В современной русской лингвистике и лингвокультурологии нет более распространенного, популярного и даже «модного» направления, чем концептология, именуемая иначе методом «концептуального анализа языка». Доказательством тому служат многочисленные круглые столы, конферен-

ции, составление словарей «концептов» русской культуры, а также шквальный поток защищаемых диссертаций, типичной темой которых является «Концепт чего-либо в той или иной картине мира» или «Концепт чего-либо у того или иного автора (поэта или писателя)». Очевидно, что концептология является доминирующей парадигмой лингвистических исследований в русской филологии, наряду с такими подходами, как когнитивизм, теория коммуникации и лингвокультурология.

Задача этой статьи двояка: во-первых, заглянуть в истоки этого направления, а именно, привлечь внимание к статье философа Серебряного века С.А. Аскольдова «Концепт и слово» (1927), в которой впервые была сформулирована теория концепта и от которой ведет начало русская концепто-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт № 02.740.11.0370) и в рамках гранта ведущих научных школ № НШ-5837.2010.6.

ФЕЩЕНКО Владимир Валентинович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.